

Камила
ЛЕВИТАН

ИПОТЕЧНЫЙ КРЕДИТ

РАЗВОД с предателем.

ТЫ ХОТЕЛ ОСТАВИТЬ МНЕ
ИПОТЕКУ, А ЕЙ — ДОМ!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты хотел
оставить мне ипотеку, а ей — дом!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты хотел оставить мне ипотеку, а ей — дом! /
К. Левитан — «Автор», 2026

Я вернулась домой раньше обычного и услышала женский смех из детской. Из комнаты, которую мы с мужем готовили для нашего ребёнка. За дверью Денис целовал другую женщину. Дочь влиятельного заказчика, ради которого готов был на всё. Но измена оказалась только началом. Муж обещал любовнице наш дом, а мне собирался оставить ипотеку и долги! Он угрожал объявить меня невменяемой, заставлял подписывать документы и был уверен, что я не посмею сопротивляться. Зря. Я записала их поцелуи. Нашла поддельные отчёты. И узнала, сколько Денис заработал на предательстве. Теперь его ждёт развод. А ещё встреча с людьми, которым он задолжал гораздо больше, чем мне.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты хотел оставить мне ипотеку, а ей — дом!

Глава 1

До конца рабочего дня оставалось сорок минут, а я уже отпирала нашу дверь. Щит для проекта закончила, пылесос выключила, но в ушах всё ещё гудело. Потянула ворот рабочего платья: ткань пахла лаком, шея под ней вспотела. Сейчас бы снять всё это, сварить кофе и посидеть. Денис на объекте, значит, про деньги и крышу до вечера можно не слушать. Я даже сумку сразу отнесла в мастерскую, чтобы потом не вставать за ней.

На кухонном подоконнике стояла его синяя кружка. С утра её там не было — я протирала доску до самого окна. Кофе внутри успел остыть, по краю прилип коричневый ободок. Денис эту кружку не отдавал мне чинить: «Не трогай, ещё совсем расколешь». А пить из неё можно, с трещиной-то. Я взялась за ручку и посмотрела в коридор. На объект в центре он собирался с утра. Сказал, целуя меня в макушку, что до вечера не ждать. Ехать туда сорок минут. Зачем понадобилось возвращаться?

Вымыла кружку, пока думала. Пена никак не смывалась из трещины; повернула кран сильнее, облила рукав. Хорошо, домой приходил, потом ушёл. Забыл что-нибудь. Со мной тоже бывает. Я поставила кружку на полку, повернув треснувшим краем к стене. Потянулась за своей — и остановилась. На столе лежал его телефон.

Денис не расставался с ним даже в туалете. Положенный экраном вниз, телефон в первый миг показался чужим; я перевернула его. Тут же вспыхнул входящий вызов: «Виктор Петрович». Нажала на сброс раньше, чем сообразила, что делаю. Думала, это будет Денис, который потерял аппарат и звонит с рабочего. Но зачем ему звонить самому себе от имени заказчика?

Рука осталась на столе. Я знала Виктора Петровича, знала, сколько раз муж переписывал для него смету. Последние полгода Денис только и говорил о тендере: получим его — наконец выдохнем. На приёмах рядом с Виктором Петровичем всегда была Марина. Приветствовала всех так громко, что я оглядывалась даже с другого конца зала. От неё пахло клубникой. Денис смеялся её шуткам, даже тем, которые я не расслышала.

Может, он забыл телефон. Вернётся — скажу, кто звонил. Или пусть сам смотрит пропущенные. Я так и не взяла свою кружку: почему-то расхотелось кофе. По дороге в спальню собиралась хотя бы снять рабочее платье; мокрый рукав лип к запястью.

Смех раздался, когда я проходила мимо детской.

Женщина. За нашей дверью. Я остановилась с рукой у воротника, не закончив расстёгивать пуговицу. Смех оборвался, и от этого захотелось скорее пройти дальше, сделать вид, что ничего не было. Дома Денис, у него гостя. Люди ведь иногда приходят к нему по работе.

Детской мы называли эту комнату ещё с покупки дома. До ребёнка так и не дошло. Поселились там мои архивы, коробки с образцами дерева, сундук. Обычно я запирала дверь: Денис норовил устроить поверх чертежей склад, а потом спрашивал, куда я дела его бумаги. Мой ключ лежал в ящике прихожей. У него был второй. Вот, воспользовался. Впустил кого-то к моим вещам.

Можно было окликнуть его. «Денис, я пришла». Нормальная фраза, я произносила её сотни раз. Сейчас не получилось. Из комнаты снова засмеялись, совсем тихо; мужчина что-то ответил. Голос мужа я узнала раньше, чем разобрала хотя бы слово. Десять лет прожить рядом — и стоять теперь в собственном коридоре, стараясь не дышать.

Под ногой скрипнула третья доска от порога детской. Денис раньше говорил: «Дом здоровается». Я всякий раз обещала закрепить её, но находилась другая работа. Сегодня захотелось зажать эту доску ладонями, лишь бы замолчала. Отдёрнула ногу, как с горячего, и прислушалась. За дверью всё ещё шептались. Не услышали?

Надо уйти на кухню. Оставить их разговаривать, самой заняться кофе, потом спросить. Если сейчас открою, уже не смогу уйти обратно. Даже мысль была глупая — дверь я ведь открывала каждый день, — а рука не поднималась к ручке. Я смотрела на потёртость возле замка: её оставил мой ключ, когда я возвращалась в темноте и промахивалась. Моя дверь. Почему я боюсь её открыть?

Сделала ещё шаг. Под дверью светилась полоска: лампу в детской включили, хотя на дворе день. Шёпот стих. Я задержалась, стараясь понять, услышали ли мои шаги. Никто не окликнул. В коридоре было прохладно, но мокрый рукав уже не мешал — я о нём забыла.

Клубникой потянуло в щель. Я наклонила голову, будто запах можно было лучше слышать. Клубника и одеколон Дениса. Этот одеколон он принёс к годовщине три года назад; дал мне понюхать запястье, спросил: «Нравится?» Тогда я уткнулась носом в его руку и сказала, что нравится. Сейчас закрыла рот ладонью. Очень знакомо. Нельзя было ошибиться и в голосе, и в запахе сразу.

Может, Марина принесла документы. Он показал ей архив, она посмеялась — вот и всё. Я успела даже обидеться на себя: опять испугаешься, потом будешь извиняться. Но зачем закрывать дверь? И почему Денис говорит так тихо? Он шептал мне в ухо тем же голосом. Я помнила, как близко нужно стоять, чтобы его слышать.

Ручка опустилась.

Меня отнесло к выступу стены. Я хотела ворваться, пока дверь открывается, и одновременно искала, где спрятаться. Выбрала стену. Если я ошиблась, услышу и выйду. Если нет... Если нет, он потом скажет, что мне показалось. Я уже представляла, как он посмотрит на меня: устала, накрутила себя, займись своей работой. Нужно увидеть. И сохранить то, что увижу.

Прижалась спиной к штукатурке. Подол зацепился за шершавый край стены, я дёрнула ткань вниз — ещё не хватало шороха ткани. Дверь приоткрылась и остановилась. Тот, кто нажал на ручку, не вышел. В щели показался край сундука, и я потянулась за своим телефоном.

Дважды ткнула мимо значка камеры. Третьим нажатием открыла видео. Звук был убран ещё с мастерской, вспышку проверила прежде, чем повернуть аппарат. Держала его низко, у груди. Если подниму к лицу, экран осветит меня — стояла и соображала это, хотя пальцы тряслись так, что чуть не выронила телефон.

Марина сидела на сундуке среди моих коробок. Денис наклонился над ней, опираясь ладонью на крышку. Её волосы задели его щёку, когда она запрокинула голову. Он целовал её шею, а она держала его за ворот. Сушилка. Эта рубашка висела утром на сушилке. Я сама сняла её, потому что он торопился и не мог найти чистую. Теперь за неё держалась другая женщина, чтобы ему удобнее было её целовать.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал Денис.

Мне хотелось, чтобы он сказал это ещё раз, погромче. Чтобы не оставалось ни слова, за которое можно потом зацепиться: он имел в виду работу, она просто сидела. Нет. Я видела, куда он смотрит. Знала, как дышит между поцелуями.

— Папа скоро будет здесь, — сказала Марина, не отпуская ворот. — Если узнает, что мы в твоём доме...

— Дом твой, — перебил Денис. — Бумаги мои. Он подписывает всё, что я кладу ему на стол, лишь бы ты была рядом. Ему нужна картинка успешного архитектора и красивая дочь. Мне нужен контракт. Тебе нужен отец.

Его ладонь лежала на моём сундуке. «Дом твой» — ей. Я почувствовала, как ноготь скребёт чехол телефона: держала слишком крепко. Ослабить пальцы не решилась. Марина подняла

лицо, Денис поцеловал её в губы. Так долго, что я успела отвернуться и снова посмотреть. Меня он уже лет пять так не целовал. Всё некогда, потом, я устал.

На маленьком экране было проще выдержать. Можно смотреть на кадр, проверять, попали ли лица. Я стояла в двух шагах от них и делала вид перед самой собой, что снимаю чужих людей. Только рубашка всё время мешала этому: знакомые складки у плеча, пуговица, которую я собиралась пришить покрепче.

Чуть повернула телефон. На столе за ними лежала папка с красной печатью администрации. Денис неделю назад назвал её техническими условиями для фасада и сразу захлопнул. Я спросила про сроки — мне нужно было планировать свою работу. Сейчас папка лежала открытой рядом с любовницей. Строчки не разобрать, зато край обложки я узнала. И сундук, и коробки, и бумаги — всё в одном кадре.

Я отмывала эти чертежи от плесени по ночам. Выходила утром в кухню, пока Денис ещё спал, и радовалась, что лист высох, что не порвался. Он знает, сколько я тут работала. Знает, что у меня болела спина, что я откладывала свои заказы ради нашего дома. И вот так говорит: твой. Марине. Даже не запнулся.

Он поднял голову к двери. Я прижала телефон к боку, экраном внутрь, и вжалась за выступ. Подбородок дрожал; пришлось стиснуть зубы, чтобы не стукнули. Денис помолчал. Потом снова заговорил с ней. Не увидел. Я слушала его и ждала, когда смогу выдохнуть без свиста.

Дверь двинулась дальше. На полу растянулась светлая полоса.

До мастерской оставалось несколько шагов. Отступила туда, не поворачиваясь к детской спиной, и придержала створку за край, чтобы замок не щёлкнул. Под ней было темно. Телефон всё ещё писал, я забыла его остановить. Наконец нажала на красный квадрат. Сорок пять секунд. Я посчитала их взглядом на экране, как будто это могло помочь: они были там, не пропали.

За мастерской прошли. Денис насвистывал, Марина что-то сказала, слова я не разобрала. Села на край верстака, рядом с сумкой, и открыла почту. В поле адреса дважды исправляла собственную фамилию. Входная дверь хлопнула; только после этого получилось нажать «отправить». Копия ушла мне самой. Пусть он говорит, что захочет. Сорок пять секунд теперь были у меня.

Глава 2

В три ночи Денис спит, а я рассматриваю потолок. Трещину над кроватью надо было заделать ещё прошлой зимой. Я помню, как он обещал поддержать стремянку. Сейчас боюсь повернуть голову к нему. Лежим-то в той же кровати, на той же простыне. Днём он целовал Марину, вечером спросил, есть ли ужин. Я ответила. Вот это хуже всего: у меня нашлось слово для него.

Хочется накрыться с головой. Если заплачу, проснётся, начнёт спрашивать, а говорить я не готова. Встаю, нащупав ступнями линолеум у кровати. В ванной сначала пускаю воду, потом склоняюсь над раковиной. Плачу под этот шум, умываюсь, снова плачу. Поднимаю мокрую голову и не сразу узнаю себя в зеркале. Вытираюсь полотенцем до боли. Всё, хватит. Видео надо пересмотреть. Вдруг сохранилось без звука? Лучше узнать сейчас, пока он спит.

Ноутбук открываю в спальне, отвернув экран от Дениса. Телефон кладу рядом и нажимаю на запись. Сначала слышен шорох моего платья, потом его голос. «Дом твой». Отвожу глаза от Марины — там, где она держит его ворот, смотреть пока не могу. Зато звук есть. И папка попала в кадр. Провожу по экрану, возвращаясь на несколько секунд назад. Это наша детская. Я даже свою коробку узнаю по надорванному углу.

На странице Марины нахожу фотографии с выставок. Она стоит рядом с мужем весной, потом летом. На прошлогоднем банкете Денис представил её мне как стажёра; я тогда приехала ненадолго, ещё после работы, и почти сразу уехала. Увеличиваю снимок. Его ладонь лежит у неё на поясице. Почему я этого не заметила? Или заметила, но решила не придавать значения? Закрываю страницу. Открываю обратно: скриншот без даты бесполезен. Сохраняю и фотографию, и дату публикации.

В кабинете беру ипотечную папку. Я не искала бы её сейчас, если бы он не произнёс этих слов о доме. Листы привычные, закладка на графике платежей — моя. Между ними вложен новый черновик. Денис собирается заложить дом под свой проект. Под его подписью оставлено место для моей; дата назначена на завтра. Перечитываю условие о взыскании. Слово «дом» здесь напечатано совершенно буднично, без единой опечатки. Я возвращаюсь к первой странице и фотографирую всё, не только условие, от которого стало дурно. Моя подпись пока не стоит. Значит, можно её не ставить.

Утром еду к Григорию в частную сыскную контору. В сумке лежат распечатки, и я несколько раз проверяю, не загнулись ли листы. В кабинете тесно от архивных коробок, пахнет табаком. Григорий крупный, за столом ему словно не хватает места. Пока я объясняю, он морщится и поглядывает на часы. Меня это злит сильнее, чем его перебивание.

— Жена-ревнивица, — говорит он. — Такие приходят каждый день. Истерики, слёзы, просьбы «просто посмотреть, где гуляет муж». У меня нет времени на бытовые разборки.

— Тогда смотрите бумаги, — отвечаю я и выкладываю их перед ним. — Не меня.

Сверху кадр из детской. Ниже снимки с датами и черновик залога. Григорий отодвигает фото Марины, берёт договор. Пока читает, я мну угол последнего листа. Наверное, выгляжу ровно так, как он сказал. Мне всё равно: пусть дочитает. На условии о доме он перестает смотреть на часы.

— Вы собираете улики, — произносит наконец. — Это другое дело. Только не всё, что вам понятно, будет понятно из этих снимков.

Он предлагает проследить за Денисом, выяснить, куда муж возит Марину. Я качаю головой. Поцелуй уже есть на видео. Ещё один поцелуй ничего не добавит к папке с залогом. Нужны документы компании; в её серверы я никогда не входила, пароли Денис меняет каждую неделю. Зато бумажные копии он хранит дома. «Для безопасности», говорит. У нас в подвале, рядом с моими архивами.

— У меня ключи от технических помещений, — объясняю. — Там я работаю. Он не спросит, зачем я спустилась.

Григорий записывает адрес, потом возвращает договор. Велит ничего не выносить, не исправлять в документах, не пытаться зайти под чужими паролями. Копировать то, к чему у меня уже есть доступ. Я повторяю, чтобы он слышал: фотографирую, кладу на место. Он кивает и отдаёт визитку. Прячу её под чехол телефона; домой с чужой визиткой в кармане, который Денис может проверить, идти не хочу.

Вечером муж уезжает «по срочному делу». Дожидаюсь звука машины за воротами, потом беру фонарь. В подвале тянет сыростью; на полках мои коробки, а выше его папки. Обычное место. Я могла бы подняться, приготовить ужин и потом сказать, что устала. Вместо этого стою у ящика и слушаю, не хлопнула ли дверь наверху. Как будто делаю что-то настолько стыдное, что нельзя даже включить большой свет.

Ставлю фонарь на ровный край, вытираю ладони о джинсы. Верхний ящик открывается туго, приходится придержать соседний. Сметы, договоры, акты. В одном вижу работы, до которых на объекте ещё не дошли. Я там была, держала в руках ту древесину. Лист уже подписан. Фотографирую, проверяю резкость и только потом переворачиваю. Поднимать всё второй раз, если завтра он запретит архив, может не получиться.

Наверху сверяю снимки. В папке между сметами обнаружилась распечатанная переписка Дениса с отцом Марины. Карандашные галочки на полях — муж любит отмечать так сделанное. Одна стоит возле сообщения:

«Она знает слишком много о твоём прошлом проекте. Убери её из игры или сделай своей женой официально, иначе она заговорит».

Держу палец под строкой. «Своей женой». Они обсуждали, что станет с моим браком, а я в это время мыла синие кружки и искала ему чистые рубашки. Читаю соседние сообщения, возвращаюсь к этой строчке. Марина знает что-то про старый проект. Почему её отец требует брака? Он рассчитывает, что жене будет сложнее говорить против мужа? Или они оба собираются забрать дом? Из одной строчки этого не понять, как бы мне ни хотелось сразу получить ответ.

Я отставляю бумаги. В заварнике остался холодный чай; пью прямо из носика, удерживая крышку пальцем. За чашкой придётся встать, а мне сейчас жалко даже этих нескольких шагов. Потом всё-таки встаю. Марина на снимках смеётся так же, как за дверью детской. Не жертва, не подруга мне. Но она знает больше меня, и теперь у меня есть вопрос, на который Денис не ответит. Номер Марины сохраняю отдельно.

Хлопает входная дверь. Закрываю ноутбук, убираю распечатки, успеваю лечь до его шагов в спальне. Денис спрашивает, почему я не сплю. «Голова болит». Он ложится, ответ его устраивает. Через десять минут слышно сопение. Днём мне казалось невозможным когда-нибудь снова лежать рядом. Теперь лежу, у самого края, и держу телефон под одеялом.

Отправляю Григорию фото сообщения. Приписываю: «Нашла в подвале. Что значит эта строка?» Денис поворачивается ко мне. Выключаю экран и закрываю глаза. Пусть думает, что я наконец уснула.

Глава 3

Денис швырнул банковские распечатки мимо стола. Один лист упал в воду у мойки; я потянулась поднять его, и муж наступил рядом, едва не задев мою ладонь. Пол я только что вымыла. На мокрой бумаге расплывалась печать, а он продолжал тыкать в неё пальцем, будто я сама всё это напечатала.

— Ты понимаешь, что происходит? Просрочка три месяца. Банк забирает дом. Если мы не продадим долю этому инвестору прямо сейчас, ты останешься на улице! Нищей, Алина! Со своей реставрацией, которая никому не нужна!

Я уцепилась за кран. Он будто ждал именно этого: ещё повысил голос. Три месяца. На ночь я оставляла ему ужин, принимала его «занят», слушала про важный контракт. Про неоплаченные платежи не сказал ни разу. Значит, знал. А я узнала сегодня, над мокрым листом.

Подобрала остальные бумаги, расправила их на столе. Рядом положила чистый лист и ручку.

— Напиши условия сделки своими словами, Денис. Без юристов, без «знакомых». Просто напиши, сколько ты хочешь мне оставить.

Он перестал кричать. Посмотрел на ручку, потом на меня. Я пододвинула её к нему ближе, как делала, когда он не хотел проверять свои расчёты. Ручка покатилась, он остановил её ладонью и вернул мне.

— Ты издеваешься?

— Хочу прочитать. Ты ведь принёс мне бумаги, а не просто пожаловаться.

Он схватил меня за предплечья. В этом движении было больше злости, чем в крике: подошёл слишком быстро, я даже не успела убрать лист. На коже под его пальцами побелели полосы. Одеколон, табак, близкое лицо — я упёрлась ему в грудь, а он только сильнее сжал.

— Не смей тянуть время. У меня есть связи в опеке. Я могу признать тебя недееспособной. Нервный срыв, паранойя... Это легко доказать, если ты ведёшь себя так странно. Ты потеряешь всё. И дом, и себя.

Запястья уже горели. Я выдернула руки, толкнув его в плечо, и отступила к двери. Встала боком, чтобы он не зажал меня между столом и мойкой. Денис потёр плечо. Мне хотелось растереть красные следы на коже, но я взялась за ручку двери. Если снова подойдёт, выйду.

— Твои угрозы пахнут дешёвым табаком, Денис. Они не работают. Ты слишком много куришь для человека, который хочет казаться спокойным.

Он открыл рот, но в дверь позвонили. Три раза подряд, без паузы. Денис сразу оглянулся к окну. Голос стал ниже; на этот раз я наклонилась, чтобы расслышать его.

— Это коллекторы. Открой им, Алина. Скажи, что я командирован. Скажи, что ты одна. Возьми вину на себя, иначе они войдут силой, и полиция будет на их стороне. Быстро!

Возьми вину. До чего же знакомо: отвечать заказчику, пока Денис «не на связи»; объяснять, почему смета опоздала. Теперь открыть дверь и сказать незнакомым людям, что он уехал. Я посмотрела на него. Он стоял посреди кухни, ещё с пятном воды на носке, и ждал, что я пойду врать.

— Полиция вызвана заранее, — сказала я. — На случай вторжения.

Он замолчал. Я не вызывала полицию, не знала, что ответит диспетчер, если всё-таки позвоню. Но у двери услышала, как Денис выдохнул. Пусть хоть минуту не командует. Посмотрела, кто пришёл, и открыла. Курьер в синей жилетке протянул плотный конверт.

— Для Алины Смирновой. Подпись требуется.

Расписалась на планшете, взяла пакет. Курьер сказал «хорошего дня», и я почему-то ответила ему тем же. Закрыла дверь. Вот и вся страшная встреча, на которую муж собирался

отправить меня одну. В конверте был ответ банка на мой утренний запрос после встречи с Григорием. Я показала Денису адрес отправителя.

— Проверю просрочку сама.

Он присел на пол у стула, обхватив голову руками. Сначала я подумала, что ему действительно плохо, — всё-таки муж, десять лет рядом. Потом увидела, как он смотрит на меня между пальцами. Ждёт, подойду ли. Я осталась у стола.

— Это давление сверху, Алина. Отец Марины... он может сделать так, что мы сядем оба. Мне нужно спасти нас. Только продажа дома поможет. Пожалуйста, поверь мне. Я жертва обстоятельств.

— А это тоже обстоятельства?

Достала телефон и открыла фотографию распечатки из подвала. Переписка с его юристом была четырёхмесячной давности — раньше просрочки. Там обсуждались фиктивные контракты и вывод активов. Я держала экран так, чтобы ему пришлось поднять голову. Денис прочёл первую строчку, вторую и резко встал.

Он потянулся за телефоном. Прижала аппарат к себе, пальцем ткнула отправку в облако — снимок уже был выбран. Денис задел стекло, но не удержал. Отступил, когда показалась отметка синхронизации.

— Фабрикация! Ты подделала это! Параноик! Верни телефон! Я подам на развод и разделю имущество через суд. У меня там нужные люди, Алина. Ты не получишь ни копейки!

Заблокировала экран, спрятала телефон в халат. От его рук на предплечьях ещё оставались полосы, я увидела их возле края рукава. Он смотрел теперь на мой карман. Никому из своих «нужных людей» не позвонил, только грозил ими.

— Судья, которого ты имеешь в виду, уже получил анонимное письмо с копиями твоих фальшивых отчётов по «Губернскому», — сказала я. — Блеф? Или правда?

Это тоже был блеф. Григорий просил пока не рассылать бумаги. Но Денис достал телефон и набрал юриста, не сводя с меня глаз. Длинные гудки я слышала даже со своего места. Пока ждал ответа, он скрёб ногтем подоконник. Отлетела крошка краски. Я бы раньше сделала замечание, чтобы не портил, — сейчас молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.